

Ольга Манс

Последняя
Валькирия

Ольга Манс

Последняя Валькирия

«Автор»

2020

Ольга Манс

Последняя Валькирия / Ольга Манс — «Автор», 2020

"На чужих берегах
Под струпьями снега.
В мертвых глазах
Нет больше гнева.
Изломаны крылья,
Сожжены молитвы.
Кому же нужны
Все эти битвы?"
История любви, пропитанная болью.
История народа, забывшего
своих богов. Сонгфик по мотивам песни группы Мельница "На север".

© Ольга Манс, 2020

© Автор, 2020

Ольга Манс

Последняя Валькирия

Корабль «Последняя Валькирия» был не настолько величествен, как последняя водительница во плоти. Храбрая, решительная и до жути могущественная в своих изрезанных мечами доспехах, последняя живая валькирия пала столетия назад. За это время случилось многое. Два великих народа, тонущие в кровавом море сражений, наконец завершили вражду. И не потому, что определился победитель, а потому, что потомки великих воинов уже забыли многое.

Они забыли своих Богов.

«Последняя Валькирия» не спеша, но настойчиво покачивалась на волнах Алого моря. Скрип старой мачты выворачивал слух несчастного мужчины, пока морская болезнь выпоразнивала его желудок прямо в грязные воды.

Очередной скрип.

Вальяжный наклон судна.

И новый булькающий звук покинул утробу бедолаги.

– На кой китовый ус мы взяли этого доходягу? – Один из матросов, чей возраст трудно было определить под съеденной солнцем и солью кожей, драил палубу и косо смотрел на мужчину, которой выворачивал свой желудок морю. – Он мне всю палубу загадит!

– Кхех. – Боцман стоял возле ящиков и раскуривал свою старинную трубку.

Поговаривают, что ему она досталась от самого короля Драконьего острова. Но вся команда «Валькирии», конечно, не верит в эти бредни. Нынешний король драконьего острова не высовывается из своих золотых чертогов. И он не мог бы просто взять и подарить старому морскому волку какую-то причудливую трубку.

Это, конечно, все бред.

– Не ссы, Трюгви, – пробормотал, заглушая свои слова косматой бородой, боцман. Он раскурил табак и выпустил колечко дыма. – У нас есть пассажиры и потревожнее.

Трюгви тут же прекратил скрести шваброй по дереву палубы. Нахмурил редкие брови. Посмотрел на боцмана с явным сомнением. Тот не один раз его разыгрывал, после заливаясь смехом до мокрых портков.

– Да? И кто ж?

– А вон она. – Боцман ткнул дымящей трубкой по другую сторону палубы, – снова сидит и точит свой странный меч. Я ей говорю, от него толку не будет. Сталь изнасилась, да и эфес уже не уравнивает, а она молчит, сопит и даже на меня не смотрит.

– Ну и пускай молчит. Что тебя тревожит, ежели меч все равно не пригоден? К тому же девка. Куда ей против матросни?

Трюгви хмуро покосился на незнакомку. Хоть речи его и были смелы, однако внешний вид женщины нагонял какое-то напряжение и тревогу. Может, боцман в чем-то и прав.

– А тем и тревожит. – Молчание. Новое колечко дыма, но уже не круглое, ломаное. – Ты слышал, что она постоянно бормочет под нос?

– Нет.

– Идём, – боцман решительно зашагал в сторону незнакомки.

Матрос тяжело сглотнул, однако нерешительно засеменил следом за товарищем.

– Может, ну её?

– Не ссы, мужик, мы просто пройдем мимо. А ты прислушайся, что она поёт.

– Поёт?

Не успел Трюггви удивиться словам боцмана, как они уже поравнялись с женщиной. Та сидела на низком деревянном ящике, закутанная в тёмную ткань плаща. Глубокий капюшон наглухо скрывал её лицо.

Трюггви не успел продолжить свой вопрос, как до его ушей донеслись до боли знакомые и пугающие одновременно слова. Он застыл в изумлении, уставился в два выцветших глаза на странницу. Под скрежет металла о точильный камень зазвучал тихий женский голос:

*На чужих берегах
Под струпьями снега.
В мертвых глазах
Нет больше гнева.
Изломаны крылья,
Сожжены молитвы.
Кому же нужны
Все эти битвы?
Вождем звериным,
Забытым Богам?
Последней валькирии?
Уж точно не нам!
Не мертвецам!
Не мертвецам!*

Матрос заслушался словами забытой песни. Старой песни. Песни, что сопровождала смелых до безумия воинов на войну. Но те битвы уже забыты, и слова песни почти умерли под солью буйных волн времени.

Тень Трюггви нависла над хрупкой фигурой женщины. Лязг прекратился. Слова стихли. Женщина подняла лицо. В морщинистое лицо матроса впилась, словно иглы морского ежа, голубые волчьи глаза. Старик отшатнулся назад, налетев на удивлённого боцмана. Женщина вновь отвернулась и продолжила молча ласкать свой сломанный меч. Боцман быстро, чуть ли не волоком, оттащил Трюггви в сторону, дабы избежать неловкости. Та девка много заплатила, чтобы её взяли пассажиром на корабль.

– Ты с ума сошёл?

– Ты видел, Скегги? Видел её шрамы на лице? – Трюггви вцепился в одежду боцмана мёртвой хваткой.

Тот с трудом оторвал от себя сухие пальцы матроса.

– Видел. Четыре вертикальных пореза. – Кольцо табачного дыма вновь получилось кривовато. – Как след от когтей.

– Но не волчих, – голос Трюггви звучал все ещё взволнованно. Нижняя губа дрожала.

– Не волчих, – согласился боцман.

– Шрам старый, жуткий и рваный.

Минутная тишина.

– Драконий! – в два голоса сказали моряки.

– А мы к ним держим путь, – у Трюггви задёргался уголок глаза.

– Да ну, ты брось! Мы с ними столько лет и зим торгуем! Они нас не тронут!

– Не тронут, – повторил, как под действием белены, матрос.

Они оба уставились в синюю мрачную даль Алого моря. И долго ещё дымок из резной трубки боцмана не мог обрести форму идеального круга.

Алое море получило свое название три сотни лет назад. Тогда оно носило имя одной из дочерей богов Северного народа. Но после самого продолжительного и жестокого сражения между крылатыми воинами-драконами и лютыми человековолками ледяные воды моря окрасились в алый цвет. И с тех пор никакое северное течение не может смыть кровь мертвецов из

волн моря, разделяющее два извечно враждующих народа. Не только название сменили воды, из них ушло спокойствие. Из самых тёмных глубин подводного мира поднялись кракены и стали нападать на торговые судна. Их нападения были хаотичны, ни один заядлый морской волк не мог объяснить причину, по которой монстр выбирает себе жертву.

На борту «Последней Валькирии» были только Волки. Их белесые волосы и голубые глаза разительно отличались от народа королевства, куда спешил торговый корабль. Драконьи люди были выше ростом и стройнее мощной мускулистой комплекции человековолков. Кожа у них отливала золотом, как и цвет их волос, блестящая чешуя серебрилась местами на коже. Глаза же были залиты янтарем. Очень редко встречались особи с изумрудным взглядом. Посмотришь на них – вылитый дракон. Вот только очень давно никто не видел их в ипостаси летающего чудовища.

Скегги стоял на палубе, периодически чихвостя матросов отменными ругательствами. А краем глаза следил за незнакомкой с безобразным шрамом, рассекающий ей лоб и всю щеку. Как при таком ударе противника она не потеряла глаз, оставалось загадкой. Женщина долго и усердно затачивала старый меч. Когда закончила, скрылась в каюте. Но песню женщина больше не напевала. Боцмана она все больше тревожила. Краем глаза он заметил движение. Может, это был проныра матрос. Вот только это что-то двигалось за бортом «Валькирии». Когда осознание происходящего достигло Скегги, он во всю свою хриплую глотку закричал:

– Краке-е-ен!

Забили в рынду, отбивая тревогу для команды корабля. Капитан в одних штанах с расцарапанной грудью выбежал на палубу, выкрикивая громким басом команды. Никто никому не пожелает встретиться к кракеном, даже кровному врагу. Для людей Севера это честь, убить противника, глядя ему в потухающие глаза. А морское чудовище размером с два корабля – а это только та его часть, что была видна над водой – лишала людей жизни бесцельно и мгновенно, унося судно прямиком себе в глотку. Длинные чёрные щупальца с присосками размером с водяное колесо на мельнице изящно тянулись к своей жертве, сминая борт «Последней Валькирии», словно ягодицу любовницы. Алые волны вздувались красной пеной от каждого движения морского существа в ожидании момента, когда станут ещё насыщенной, напившись человеческой крови. Матросы, обнажив мечи, рубили склизкое мясо щупальце, приводя монстра в бешенство. Ибо никто не желает терпеть боль. Даже самое огромное подводное чудовище. Боцман отчаянно махал окровавленным мечом. Заметив невдалеке от себя Трюггви, он закричал, стараясь перегорланить шум фатальной битвы с природой. Вот только в битве человека и природы последняя выигрывает. Всегда. Поскольку она слишком ценит свою жизнь. И неизменно могущественна перед наглостью смертного человека.

– Ради Всеотца, Трюггви, да очнись ты уже! Бери мечи и сражайся, как полагается каждому Волку!

На что матрос устало вздохнул.

– Слаб я уже для сражений, – пробурчал и, чуть не падая от крена судна, поплелся к очередному щупальцу.

Небо затягивали тучи, будто бы спеша посмотреть, чем закончится стычка. В хрусте тел и крике боли, сквозь тяжёлые движения людей Трюггви увидел, как незнакомка со шрамами торопилась к носу корабля. Туда, где сотни зубов-лезвий хотели проглотить «Валькирию». Ветер сорвал с её головы капюшон, обнажая копну белесых волос, на висках заплетённых в косы. Лицо было хмурым, но собранным. Кем бы ни была эта странная женщина, Трюггви не мог допустить того, чтобы та добровольно отдала свою жизнь монстру.

Он кинулся за ней.

И замер на половине пути.

Оказавшись на носу корабля, женщина возвела руки навстречу кракену. Она кричала ему, она просила его. Старик ошарашенно уставился на женщину. В своём ли она уме? Кто она?

Никто больше не обращал на неё внимания. Женщина, не умолкая ни на мгновение, обращалась к чудищу. Толстое щупальце направилось к застывшему на месте Трюггви. Он уже видел путь в Валгаллу. Он был готов. Прикрыл уставшие глаза. Но щупальце внезапно поменяло траекторию и стало исчезать под буйными волнами моря, скрывая чёрное чудовище. Забирая страх и смерть с собой на дно морское. Женщина опустила руки. Развернулась, чтобы незаметно скрыться, но встретилась взглядом с удивлённым моряком. Её глаза опасно блеснули, но она не проронила ни слова. Когда та проходила мимо старика, Трюггви, прошептал ей:

– Я верил, я всегда верил.

Женщина прищурила свои волчьи глаза и скрылась в трюме.

«Последняя Валькирия» причалила к берегу через трое суток после странного нападения кракена. Экипаж до сих пор не мог понять, как у них получилось сбежать от неминуемой смерти.

Скегги спустился на пирс из добротной древесины. На острове Драконов все было сделано на века. Всё купалось в богатстве. Поэтому-то старенькое судно извечных противников местного народа приплывает сюда вести торговлю. Волки не любят Драконов, но на острове мало культурных растений. Им просто негде расти. Скрипя острыми зубами, стража пропускает в порт корабли с севера. Да и прибывающие сюда Волки не рычат на руку, что так щедро им платит. Скегги много раз был в порту, но не переставал дивиться красоте местных зданий: высоких и стройных, сделанных из жёлтого камня. Только замок короля Ингвальда был высечен из чёрного мрамора с золотыми шпилями, протыкающих небеса Богов. Скегги ни разу не удалось лицезреть могущественного правителя. В матросских забегаловках ходят слухи, что в короле настолько сильна драконья сущность, что он с трудом сдерживает свой человеческий облик. Это внушало страх не только низшему сословию острова, слоняющемуся по дешевых тавернах, но и гостям с Севера.

Скегги потянулся, прохрустев суставами, вдохнул тяжёлый воздух с душком тухлой рыбы. Вязкий утренний туман просочился в прожжённые лёгкие моряка. Он закашлялся. Обвел взглядом уже кишачий торговцами причал, задержал волчьи глаза на жёлтых, коснувшихся времени зданиях пирса, и вернул взгляд на старушку «Валькирию». Заметил, как к трапу шагает женщина со шрамом, как всегда, в натянутом на глаза капюшоне, а за ней семенит Трюггви, то и дело кидая на нее любопытные взгляды. Боцман усмехнулся, пропуская незнакомку с трапа на причал. Та даже не посмотрела на него. Женщина с гордой осанкой уверенным шагом смешалась с суетливой толпой. За ней спустился Трюггви. Скегги со всего размаху опустил руку на плечо старика. Тот от неожиданности подпрыгнул на месте. Посмотрел ошарашенно на товарища.

– Давай-ка выпьем, дружнице, с утраца пораньше! – прогремел Скегги.

– Выпьем? – Растерялся матрос, рассеянным взглядом смотря на мужчину.

Тот посмотрел на Трюггви, растянулся в заговорщицкой улыбке. Покосился вслед женщине со шрамом.

– За женщин!

Высокие башни города-порта были похожи на ребра огромного дракона. Тянулись ровным рядом до самого большого здания на всем острове. Замок короля Ингвальда, как кусок золота с изумрудными гранями, сиял под солнцем Великих Богов. Женщина долго смотрела на величие архитектуры Драконьего острова. И чем больше реальности поглощало время, тем суровее становился взгляд голубых глаз. Женщина непроизвольно потеряла глубокий шрам на щеке. Её нижняя губа задрожала, а в волчьих глазах свернули бриллианты слез. На самой высокой башне замка забили колокола. Женщина будто бы очнулась из мрака памяти, вырвалась из плена ветхих снов. Её лицо стало яростным, слезы мгновенно испарились, будто их и вовсе не было. Она медленно сняла капюшон и смерила золотой замок злобным взглядом. Сделала шаг в его направлении. Но её отвлек мужской гогот. Она повернулась на шум. На углу, возле

пустых бочек, стояла молодая девица в простом, но элегантном платье. Над ней возвышались двое мужчин в форме стражи дока. Они, видимо, знали друг друга, смеялись над девушкой, но не притрагивались к ней. Златоволосая девица покраснела, смутилась. Сделала шаг назад и что-то сказала охранникам. Одного из них это взбесило. Его приятные черты лица исказила ярость, и он двинулся в сторону девушки. Товарищ слишком поздно схватил его за руку. Толкнул девицу, и та с визгом растянулась на каменной дороге, пролетев при этом некоторое расстояние. Мужчина вырвался из хватки товарища и подбежал к плачущей девушке.

Замахнулся.

Девушка в страхе закрыла лицо руками.

Кулак стражника прилетел прямо в ладонь женщины со шрамом. Она лихо перехватила руку мужчины. Извернулась, выворачивая её в плече.

Хруст.

Толчок в поясницу.

И стражник упал прямо в объятия товарища. Они оба ошарашенно уставились на неожиданного защитника девушки.

– Ты заплатить, уродливая сука! Гребанный Волк! – выплюнул с брызгами вязкой слюны охранник, однако не подошёл к женщине, лелея свое вывихнутое плечо. – Тебе повезло, что мы торопимся!

Второй охранник, хмуро косившийся на шрам женщины, утянул товарища в переулок. Когда скрылись, женщина повернулась к девушке. Нависла над ней. Та жалобно защебетала, икая от плача:

– Пожалуйста, не трогайте меня! У меня есть деньги... Я...

– Успокойся, дитя, мне нужны твои деньги, и я не желаю тебе зла.

Не голос, а гречишный мед. Сладкий до безумия, с яркой горчинкой. Он мог бы принадлежать роскошной томной красотке, а не изуродованной женщине в мужской одежде. Девушка удивленно посмотрела на спасительницу, что протянула ей руку. Смело взяла её. И женщина рывком подняла спасенную. В руке чувствовалась непомерная сила и мягкость одновременно. А в лице – печаль и понимание. Девушка снова расплакалась. Женщина вздохнула.

– Знаешь, любовь рушит замки.

– Откуда вы знаете, что я плачу из-за любви?

Женщина слабо улыбнулась.

– Я заметила, как ты смотрела на молодого моряка. Не поэтому над тобой смеялись стража?

– Они безобидны. Не знаю, почему они вдруг напали на меня. Они смеются, что мне приглянулся юноша с Севера. Но они никогда не обижали! Никогда!

Новый поток слёз. Женщина вздохнула.

– Я знаю, что ему тоже нравлюсь. Но понимаю, что у нас нет будущего, – продолжила девушка.

Женщина поджала губы. Помедлила. Приобняла девушка за плечи.

– Я расскажу тебе историю про удивительную любовь, которая по всем канонам была невозможна. А ты мне покажешь, где тут у вас приличная таверна. Хорошо?

Девушка, всхлипывая, кивнула. Она не знала эту женщину. Но почему-то страха к ней не было. Было доверие. Почему? Она не могла объяснить, потому повела незнакомку в самую приличную таверну в драконьем порту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.